

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БССР (1940-е — начало 1950-х гг.)

Исследование взаимоотношений православной церкви и советского государства остается одним из наиболее актуальных направлений современных исторических исследований. Это в полной мере относится к изучению периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет.

В первую очередь внимание ученых привлекает анализ создания и деятельности Белорусской православной церкви. Процессы восстановления церковной жизни в БССР в годы Великой Отечественной войны характеризовались сложностью и противоречивостью. По существу, православное духовенство было поставлено перед выбором — с одной стороны, Русская православная церковь устами Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) призвала всех верующих к сопротивлению немецко-фашистскому нашествию, с другой — немецкая администрация уже оккупированной территории Беларуси ставила свои условия для существования церковных институтов. Сохранение нейтралитета при таком положении становилось невозможным.

Долгие годы в советской историографии Белорусская православная церковь являла собой своего рода «эталон» изменнической деятельности. Сотрудничество представителей православного духовенства с оккупационной администрацией, провозглашение автокефалии белорусской церкви, призы-

вы священников к борьбе с партизанами и благодарности «немецкому воинству» за освобождение от большевизма — все это рассматривалось как бесспорное доказательство предательства духовенства. В сборнике «Документы обличают. Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии» отмечалось, что «продажная верхушка православного духовенства Белоруссии пресмыкалась перед фашистскими оккупантами, перед кровавым палачом белорусского народа гаулейтером Кубе, писала верноподданнические письма бесноватому фюреру Гитлеру»¹. В этой связи особое значение приобретает установление мотивации белорусского епископата при созыве собора для объявления автокефалии и реакции рядового духовенства и верующих на это.

Современный российский исследователь М. В. Шкаровский обращает внимание на то, что, несмотря на давление немецких властей и неоднократные антисоветские и антикоммунистические выступления, иерархия Белорусской православной церкви сделала максимально возможное в тех условиях, чтобы оставаться частью единой Русской православной церкви². В первую очередь это относится к митрополиту Минскому и всея Беларуси Пантелеймону (Рожновскому), который сохранял верность Московской Патриархии, на богослужениях продолжал возносить имя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, за что был отстранен от руководства церковью. Его увольнение было осуществлено в мае 1942 г. светскими властями — отделом политики Генерального Комиссариата Беларуси³. На несогласие митрополита Пантелеймона с требованием объявления автокефалии Белорусской православной церкви, сохранение его верности митрополиту Сергию указывал 1 сентября 1944 г. в рапорте митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Алексию (Симанскому) архиепископ Калининский и Смоленский Василий (Ратмиров)⁴.

Крайне негативная оценка позиции митрополита Пантелеймона была дана уже после войны белорусской религиозной эмиграцией. М. Зьнич отмечал, что «чуждае аблічча Мітрапаліта Панцялеймона не ад учора адзначалася сваёй цягай да Масквы» и что он «гатовы быць у лучнасьці нават з чортам, абы толькі з цэнтрам у Маскве»⁵. Наконец, непосредственный участник религиозной жизни на оккупированной территории Беларуси И. Касяк в своей работе «3 гісторыі праваслаўнай царквы Беларускага народу» писал, что ход жизни православной церкви в Беларуси шел в российском направлении, и при митрополите Пантелеймоне ничего изменить было невозможно⁶. В результате среди белорусского национального актива возникла идея об отстранении Пантелеймона от управления церковью. Его сменил архиепископ Могилевский и Мстиславский Филофей (Нарко).

как активный сторонник автокефалии белорусской церкви и ее последовательной белорусизации. И. Касяк свидетельствует, что Филофей в частных разговорах отмечал, что пока митрополит Пантелеймон остается во главе церкви, он не в состоянии что-либо сделать в направлении ее белорусизации⁷. В уже упоминавшемся рапорте архиепископ Василий характеризовал Филофея как ярого сторонника автокефальной, национальной белорусской церкви, а его антирусские проповеди и выступления по радио и в периодической печати с резкими выпадами против Советского Союза как вызывающие у большинства верующих чувство раздражения и неудовольствия⁸. В советской историографии архиепископ Филофей получил крайне негативную оценку, как «гітлераўскі шпіён у рызе»⁹.

Категоричность оценок была присуща и представителям историографии белорусской эмиграции. В данном случае в вину Филофею ставилось то, что он не выславил акты провозглашения автокефалии Белорусской православной церкви всем православным автокефальным церквам. На основании этого были засвидетельствованы «сабатаж і русафільства» Филофея¹⁰. М. В. Шкаровский считает, что в целом архиепископ Филофей пытался следовать курсу опального митрополита Пантелеймона¹¹. Церковный историк В. Цыпин писал, что архиепископ Филофей не захотел безропотно следовать указам белорусских националистов, за что те обвинили его в том, что он «через Церковь укрепляет российскость Беларуси». Упоминает Цыпин и о конфликте Филофея с отделом по церковным делам Белорусской центральной рады, в результате которого президент БЦР Р. Островский предпринял несколько безуспешных попыток отстранить Филофея от руководства церковью¹².

В. Н. Якунин, указывая на вынужденность противоречивой позиции архиепископа Филофея, отмечал факт поддержки им связи с партизанами и позиции митрополита Сергия (Страгородского). В частности, об этом свидетельствует следующее послание Филофея митрополиту Сергию, переданное через партизан: «Приветствую душевного митрополита. Восхищаюсь занятой им позицией. Я сообщаю, что все решения за моей подписью исходили не от меня, я хотел бы знать мнение обо мне митрополита, я заявляю, что готов сотрудничать вместе с ним»¹³. С. В. Силова относит архиепископа Филофея к той части белорусской коллаборации, которая, будучи в оппозиции к большевистской власти, осознанно делала ставку на гитлеровскую Германию. Она подчеркивает, что за исключением митрополита Пантелеймона, у оккупационных властей не было оснований сомневаться в при-

верженности иерархии православной церкви идеям автокефалии и построению «нового порядка» в Европе¹⁴. Одновременно у современных исследователей не вызывает сомнений, что и митрополит Пантелеймон, и архиепископ Филофей, другие церковные деятели в сложных условиях военного времени сыграли значительную роль в сохранении и восстановлении церковной жизни на территории оккупированной Беларуси.

Одним из важнейших аспектов функционирования православной церкви в БССР в период Великой Отечественной войны являлось ее каноническое положение. Она была частью Русской православной церкви: уже после начала войны, в июле 1941 г., экзархом Беларуси Пантелеймон (Рожновский) был назначен непосредственно митрополитом Сергием (Страгородским). С другой стороны, в белорусской историографии встречается мнение, согласно которому во время войны белорусская церковь была канонически самостоятельной, не подчинялась «никакой высшей церковной власти, находящейся за пределами Беларуси»¹⁵.

Самопровозглашение Православной Белорусской Автокефальной Церкви лишь формально решило вопрос о канонической независимости, так как для этого требовалось признание со стороны других автокефальных церквей. Нельзя не согласиться с А. Котовым, что в тех условиях «автокефалия церкви служила ослаблению и расколу православного белорусского клира»¹⁶. По оценкам С. В. Силовой, численность приверженцев автокефалии не превышала одной третьей части от всего духовенства, а среди рядовых служителей культа они практически полностью отсутствовали¹⁷. Большинство рядовых священников — противников автокефалии — в разных формах включились в движение сопротивления немецко-фашистским захватчикам.

Актуальной остается проблема становления и функционирования аппарата Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по БССР и уполномоченных на местах, их взаимоотношениях с духовенством и верующими. Первые шаги в изучении этого направления были сделаны авторами коллективной работы «Канфесіі на Беларусі (канец XVIII—XX ст.)»¹⁸. Штат аппарата Уполномоченного по БССР состоял из уполномоченного, его заместителя, секретаря и машинистки. Уполномоченным был назначен Лобанов. В августе 1944 г. в отчете в Совет по делам РПЦ Лобанов писал, что положение церкви в Беларуси «очень серьезное», в характеристике архиепископа Минского и Белорусского Василия (Ратмирова) было отмечено, что он «пользуется большим авторитетом у руководства СНК БССР»¹⁹. В своих воспоминаниях протоиерей Евстафий (Баслык) отмечал большую роль уполномоченных в защите церков-

ных интересов от местных властей. В частности, он приводит пример Уполномоченного Совета при Молодечненском облисполкоме Д. Я. Кадовбы, который был возмущен администрированием местного чиновника и занял сторону верующих, в результате чего им было дано разрешение на постройку молитвенного дома²⁰. Подобные конфликты возникали и на уровне руководства республики с Советом по делам РПЦ. Так, возник конфликт председателя Совета Г. Г. Карпова с ЦК КПБ, в результате которого секретарь ЦК компартии Белоруссии Н. И. Гусаров подал в ЦК ВКП(б) докладную записку, где охарактеризовал отдельные указания Карпова как «антисоветскую агитацию»²¹.

В современной белорусской и российской историографии только начинает разрабатываться проблема, связанная с послевоенной проверкой православного духовенства на лояльность, обоснованного и необоснованного осуждения священников по обвинению в сотрудничестве с оккупантами. Исключением может служить монография В. П. Черепицы «Очерки истории православной церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней)», в которой на примере Гродненской области этой проблеме автор уделяет значительное внимание²². Работу В. П. Черепицы необходимо отметить также в связи с тем, что она представляет собой исследование в рамках перспективного направления — истории православной церкви в отдельном регионе. Современную историографию можно рассматривать лишь как начало исследования этих сложных процессов, как постановку проблемы.

¹ Документы обличают. Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии. Минск, 1964. С. 7.

² Шкаровский, М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь / М. В. Шкаровский. (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М., 2002. С. 417—441.

³ Силова, С. В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) / С. В. Силова. Гродно, 2003. С. 7.

⁴ Русская православная церковь в Белоруссии в 1941—1944 гг. // Исторический архив. 2004. № 6. С. 101.

⁵ Зьніч, М. Зрада (як запрадаўся былы беларускі епіскапат маскоўскаму замежжю) / М. Зьніч. 1948. С. 4—5.

⁶ Касяк, І. 3 гісторыі праваслаўнай царквы Беларускага народу / І. Касяк. Нью-Йорк, 1959. С. 90, 93.

⁷ Там же. С. 93.

⁸ Русская православная церковь в Белоруссии... С. 101—103.

⁹ Раманоўскі В. П. Саўдзельнікі ў злачынствах. Мінск, 1964. С. 115.

¹⁰ Зьніч, М. Указ. соч. С. 3.

¹¹ Шкаровский, М. В. Указ. соч. С. 427.

¹² Цыпин, В. История Русской Православной Церкви. 1917—1997 / В. Цыпин. М., 1997. С. 288.

¹³ Якунин, В. Н. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны / В. Н. Якунин // Преподавание истории в школе. 2002. № 9. С. 18.

¹⁴ Силова, С. В. Указ. соч. С. 6, 54—55.

¹⁵ Правящие архиереи Минской епархии (1793—2003). Минск, 2003. С. 22.

¹⁶ Котов, А. Драма белорусской церкви / А. Котов // Неман. 1997. № 1. С. 162.

¹⁷ Силова, С. В. Указ. соч. С. 22, 24.

¹⁸ Канфесіі на Беларусі (канец XVIII—XX ст.) / Навук. рэд. У. І. Навіцкі. Мінск, 1998. С. 222—223, 236.

¹⁹ Русская православная церковь в Белоруссии... С. 97.

²⁰ Евстафий (Баслык). Записки священника Евстафия. Минск, 2005. С. 177.

²¹ Чумаченко, Т. А. Советское государство и Русская православная церковь в 1941—1961 гг. / Т. А. Чумаченко // Религиоведение. 2002. № 1. С. 371.

²² Черепица, В. Н. Очерки истории православной церкви на Гродненщине (с древнейших времен до нашего времени) / В. Н. Черепица. Гродно, 2000. Ч. 1; 2005. Ч. 2.